

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А VII ¹⁾.

Наканунъ войны.

Ольга Алексѣевна возвратилась въ Россію въ январь 1877 г. Положеніе на Востокъ было критическое. Лордъ Сализбери возвратился изъ Константинополя послѣ неудавшейся конференціи. Лордъ Дерби рѣшительно отказался отъ всякаго участія отъ воздѣйствія на турокъ, единственнымъ исходомъ чего была бы Русско-Турецкая война. Дассентъ въ своей „Жизни І. Г. Деленъ“ приписываетъ лорду Дерби слѣдующія слова: „Если они желаютъ притѣснять турокъ, они должны найти другое лицо: я этого дѣлать не стану“.

Общимъ притѣсненіемъ считалось отозваніе изъ Константинополя всѣхъ пословъ, но и это вскорѣ было оставлено. Стало очевидно, что несмотря на всѣ увѣренія министровъ въ желаніи освободить Болгарію, англійское правительство ничего не сдѣлаетъ для обезпеченія свободы на Востокъ.

Война между Россіей и Турціей, или предоставленіе на произволь судьбы Балканскихъ христіанъ, съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе неизбежной. Надежды и опасенія англичанъ сосредоточились на вопросѣ: что сдѣлаетъ Россія? Единомышленники Гладстона надѣялись, что она не измѣнитъ славянамъ. Друзья Биконсфильда боялись, что она завладѣетъ Константинополемъ. Среди этихъ противорѣчивыхъ теченій разгорались страсти.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1910 года.

Передъ самымъ отъѣздомъ Ольги Алексѣевны изъ Англїи, она получила оригинальное письмо отъ Е. С. Фуксъ. Этотъ сотрудникъ „Quarterly Review“ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Виггитона:

„Вы должны неусыпно работать въ пользу Россїи, въ эту минуту больше, чѣмъ когда-либо и больше молиться. Молитесь, чтобы она возвысилась до своего назначенія и выполнила бы его съ честью, презирая все, кромѣ высокихъ побужденій и возвышенныхъ цѣлей. Она конечно будетъ побѣдительницей, если не будетъ въ тайнѣ эгоистичной, потому что людей она при желаніи легко можетъ обмануть, но Бога никогда, какъ бы ни старалась. Но я долженъ признаться въ моихъ сомнѣніяхъ, наступила ли уже настоящая минута?“

Въ то время какъ набожные священники въ деревенскихъ приходяхъ молились о томъ, чтобы Богъ Духовъ возсталъ и поразилъ невѣрныхъ, хотя бы въ рукахъ его было орудіе слабое, люди иного мнѣнія другими способами выражали свои убѣжденія.

Трудно по истеченіи четверти вѣка представить себѣ всю глубину страстей, возбужденныхъ агитаціей противъ союза съ Турціей. Глубина ихъ не была достигнута до раннихъ мѣсяцевъ 1878 г., но уже въ 1877 г. мы предвкушали то, что должно было случиться. Подъ вліяніемъ туркофильской прессы, съ утра до вечера восхваляющей похвалы лорду Биконсфильду, на Гладстона стали сыпаться письма возмутительнаго содержанія, въ сравненіи съ которыми намекъ г-на Фримана „на пьяную дерзость жида“ совершенно безобиденъ. Патріоты эти не довольствовались нечестивыми и нечистыми выраженіями своихъ злыхъ пожеланій, они прибѣгали къ различнымъ способамъ, чтобы досаждать государственному человѣку, котораго они инстинктивно ненавидѣли. Одинъ изъ способовъ была фабрикація угрожающихъ писемъ; самое смѣшное изъ нихъ онъ передалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ. Оно анонимно, какъ и полагается, и озаглавлено: Сюррей 16 декабря 1876.

„Г-ну Гладстону. М. Р.

Милостивый Государь

Я уполномоченъ однимъ изъ тайныхъ славянскихъ обществъ лишить васъ жизни—по поводу вашихъ дѣйствій, несомнѣнно клонящихся къ тому, чтобы сдѣлать насъ подвластными Россїи, народу, который принесетъ съ собой убійства, страданія и ужасъ. Предупреждаю васъ, чтобы вы измѣнили свое направленіе прежде, чѣмъ будетъ поздно. Миѣ дано пять дней на исполненіе моего порученія и, если вы не перемѣните своихъ плановъ, готовьтесь“.

Неудивительно было, что низкопробные патриоты съ жадностью ухватились за представившійся имъ случай, въ открытой и искренней дружбѣ между Гладстономъ и г-жей Новиковой, чтобъ напасть на либеральнаго лидера, виновника ненавистной переписки съ русской дамой въ то время, какъ премьеръ-министръ грозилъ войной Россіи. Была тщательно придумана исторія, что Гладстонъ писалъ нѣкоторыя письма компрометирующаго свойства Ольгѣ Алексѣевнѣ, которую вѣжливо называли извѣстнымъ агентомъ русскаго посольства въ Лондонѣ. Одинъ Шефилдскій корреспондентъ Гладстона, прочитавъ это сообщеніе, написалъ ему, чтобъ обратить его вниманіе на эту выдумку. Гладстонъ немедленно отвѣтилъ.

18 января 1877 г.

Милостивый Государь

„Слѣшу отвѣтить на ваше обязательное письмо. Выписка, которую вы любезно прислали мнѣ, носить въ моихъ глазахъ отпечатокъ тѣхъ вульгарныхъ вторженій въ частную жизнь, которыя обыкновенно сопровождаются беззастѣнчивою смѣлостью. Утвержденіе, что кто-то изъ моихъ корреспондентовъ имѣетъ компрометирующія меня письма,—чистая ложь

Я не могу явиться въ печати по такому предмету, но только что данное мною увѣреніе можетъ быть свободно повторяемо.

Преданный вамъ В. Е. Гладстонъ.“

Что ни одного письма Гладстона къ Ольгѣ Алексѣевнѣ не было компрометирующаго характера, — ясно изъ прочтенія самихъ писемъ, но во мнѣніи тогдашнихъ туркофиловъ самый фактъ переписки съ г-жей Новиковой уже компрометировалъ всякаго британскаго сановника, потому что она была русская и русская патриотка, невѣстка русскаго посла, слѣдовательно, по джингоистской логикѣ, она—заговорщица, строящая козни, чтобъ погубить Британскую имперію.

„Vanity Fair“ распространялась о дѣйствіяхъ Британскаго нумы съ московской эгеріей и въ статьѣ подъ заглавіемъ „Разоблаченіе великаго агитатора“, появившейся какъ „потрясающія открытія, рассчитанныя на то, чтобы вкрасться въ національное довѣріе растроганныхъ и гуманитарныхъ политиковъ“, помѣстили исторію, какъ Гладстонъ съ г-жей Новиковой сотрудничали въ составленіи отвѣта на „Русскія нужды въ Туркестанѣ“.

Чтобъ не дать себя превзойти своимъ соперникамъ изъ свѣтскихъ журналовъ, „Whitehall Review“ напечаталъ подъ названіемъ „Шувалово-Гладстоно-Новиковскій заговоръ“, какъ донесеніе къ-то

изъ его штаба Митхату-пашѣ. Въ видѣ курьеза, можно привести первую часть этой нелѣпой выдумки:

„Первый предметъ, котораго я коснулся, былъ Шувалово-Гладстоно-Новиковскій заговоръ. Я объяснилъ Его Величеству, что г-нъ Гладстонъ хотя хорошій человѣкъ, но чрезвычайно любящій власть, а также, что онъ питаетъ самыя враждебныя чувства мести къ своему великому и счастливому сопернику лорду Биконсфильду. Когда онъ (г-нъ Гладстонъ) былъ смѣненъ съ своего поста въ 1874 г., его партія раскололась, и не было надежды на возвратъ его къ власти за всю его жизнь. Два года спустя возникъ Восточный вопросъ, а съ нимъ представился случай для г-на Гладстона. Англійскій народъ мало знакомъ съ иностранною политикою, но онъ очень чутокъ къ человѣческому страданію. Поэтому онъ не могъ повѣрить, чтобъ даже Россія была способна возбудить возстаніе въ Турціи, а съ другой стороны онъ былъ сильно тронутъ вымышленными отчетами о жестокостяхъ въ Болгаріи. Князь Горчаковъ зналъ это, и г-жѣ Новиковой было поручено завербовать экс-премьера поборникомъ Болгарскихъ христіанъ. Гладстонъ охотно согласился съ этимъ планомъ“.

Между бумагами, которыя Гладстонъ далъ мнѣ для исторіи антитурецкой агитаціи, я нашелъ письмо отъ одного заморскаго корреспондента, къ которому приложена вырѣзка изъ одной ливерпульской газеты, содержащая слѣдующее:

„Г-нъ Гладстонъ и русскіе агенты. Русскіе агенты здѣсь подговариваютъ либеральную партію черезъ Гладстона; выработали выборную программу для него и избрали“.

Вотъ какимъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ подвергаются бѣдные смертные, старающіеся служить своей странѣ въ священномъ дѣлѣ международнаго братства! Не знаю, отвѣчалъ ли Гладстонъ на это письмо.

Гладстонъ былъ слишкомъ искрененъ, чтобъ быть осторожнымъ. Но ему надобно эти пошлыя вмѣшательства въ частную жизнь, и казалось, въ ту минуту рѣшился быть сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ. Въ концѣ января Ольга Алексѣевна намекала въ своемъ письмѣ, что благоразумнѣе посылать письма заказныя,—намекъ, который не удивитъ никого, кто знаетъ почтовое вѣдомство. Гладстонъ однако встревожился, хотя и это никого не удивитъ, если принять въ соображеніе необыкновенную подозрительность и недоувѣріе, парившія въ воздухъ. 6-го февраля онъ пишетъ ей изъ Hagley Street:

„Я вамъ писалъ 22-го настоящаго мѣсяца и очень жалѣю, что мои быстрыя и нѣсколько измѣнчивыя передвиженія лишили меня

возможности съ должной поспѣшностью отвѣтить на Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю теперь. Не удивитесь, если я вамъ скажу, что не желалъ бы посылать Вамъ письма заказными, потому что это могло бы подтвердить нелѣпое мнѣніе, уже существующее, что я Вамъ сообщаю нѣчто таинственное. Такое нелѣпое сужденіе о моихъ частныхъ письмахъ указывало бы на какую-то таинственность. Въ этомъ дѣлѣ у меня секретовъ нѣтъ; но я вынужденъ быть осторожнымъ къ нашимъ отношеніямъ, ложно понимаемымъ со стороны. Кратко коснусь нѣсколькихъ пунктовъ:

„1. Что произойдетъ въ четвергъ, когда соберется парламентъ, совершенно не извѣстно. Мы имѣемъ привычку ждать достовѣрнаго ознакомленія съ фактомъ прежде, чѣмъ начать пренія, а синюю книгу можно представить только послѣ четверга. Вскорѣ могутъ быть серьезные дебаты.

„2. Я не ручаюсь за тонъ или за подачу голосовъ въ парламентѣ. Въ палатѣ лордовъ турецкое или анти-русское направленіе будетъ имѣть ослѣпительное превосходство. Въ палатѣ общинъ министерское большинство очень сплочено. Ирландскіе католики тоже до сихъ поръ дѣйствовали плохо изъ уваженія къ трубному гласу изъ Рима. Пройдетъ быть можетъ три года прежде, чѣмъ парламентъ вернется къ своимъ избирателямъ.

„3. Я считаю, что мы (агитаторы) выиграли два пункта: возобновеніе европейскаго концерта, отступленіе отъ постыднаго положенія предполагаемаго соучастія съ Турціей. Это сдѣлано, по моему мнѣнію, но много еще требующее внимательнаго обсужденія остается сдѣлать.

„4. Провинціальныя выборы, которыхъ было удивительно мало, въ дѣйствительности служатъ лучшимъ указателемъ, хотя недостаточны для выраженія всего національнаго чувства.

„5. Но я могу твердо сказать теперь, что, по моему мнѣнію, нація здраво мыслить. Въ западныхъ земледѣльческихъ провинціяхъ я встрѣтилъ даже больше энтузіазма, чѣмъ съ сѣверныхъ. Въ частныхъ посѣщеніяхъ, меня всюду въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ преслѣдовалъ народный энтузіазмъ, и его я всецѣло приписываю народному чувству въ Восточномъ вопросѣ.

„6. Еще одно слово, смѣлое, такъ какъ я намѣренъ совѣтовать. Прежде всего мнѣ бы слѣдовало Вамъ сказать, что Хива меня нисколько не интересуеетъ. Далѣе я считаю совершенно возможнымъ, что существуетъ давленіе для ея присоединенія къ Россіи. Тѣмъ не менѣе я бы очень сожалѣлъ, если бы это присоединеніе послѣдовало теперь, потому что это дало бы нашей турецкой партіи то орудіе, которое оно желаетъ. Принявъ во вниманіе объясненіе

вашего императора черезъ графа Шувалова, я чувствую, что это принесетъ большой и серьезный вредъ.

„Настоящій результатъ, насколько я могу видѣть, произойдетъ, когда вопросъ станетъ таковъ: должна ли Россія одна исполнить дѣло Европы? Я съ удовольствіемъ узналъ о паденіи Мидхадъ-паши“.

Г-жа Новикова въ Россіи и ея друзья въ Англіи слѣдили съ негодованіемъ и боязнью за кажущимся имъ намѣреніемъ правительства не выполнить своихъ обязательствъ относительно восточныхъ христіанъ. Письма Фримана того времени даютъ вѣрную картину безпокойства, съ которымъ люди либеральнаго Гладстоновскаго направленія смотрѣли на положеніе. При посѣщеніи Гладстономъ западныхъ провинцій онъ гостилъ у маркиза Батъ въ Лонглетъ и у епископа. Г-нъ Фриманъ, проведя въ Лонглетъ нѣсколько дней съ Гладстономъ, пишетъ 7-го февраля, что лордъ Батъ полонъ рвенія, какъ и другіе.

„Я былъ съ нимъ на одномъ завтракѣ, на который собралось нѣсколько человѣкъ, было произнесено нѣсколько рѣчей. Принимали его всюду, какъ подобаетъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ Гондвина Смита и д-ра Сандвита; туркамъ досталось не мало проклятій“.

Парламентъ открылся 8 февраля. „Желалъ бы я быть членомъ парламента“, писалъ Фриманъ. Желаніе это никогда не исполнилось.

Мѣсяць спустя, 2-го марта, Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о предстоящемъ изданіи своей брошюры подъ заглавіемъ „Уроки въ кровопролитіи“. Онъ такъ объясняетъ причину ея появленія.

„Что бы ни случилось, Вы можете быть увѣрены, что я постоянно занятъ великимъ вопросомъ, который теперь и для меня поглощаетъ всѣ другіе. Я готовлю брошюру, которую надѣюсь издать на будущей недѣлѣ и въ которой надѣюсь доказать, на основаніи официальныхъ данныхъ, что турецкое правительство со времени болгарской рѣзни дѣйствовало такъ, чтобъ научить свой народъ повторить ту же рѣзню, какъ только представится случай.“

„Я это дѣлаю помимо другихъ причинъ потому, что въ рѣчи, произнесенной въ нижней палатѣ, нельзя представить доказательства въ надлежащей подробности, 2-е потому, что наши парламентскія требованія заставляютъ насъ почти прекратить пренія, пока наше правительство вмѣстѣ съ другими державами измышляетъ отвѣтъ на вопросъ Россіи.“

„Я нисколько не ожидаю, чтобы они изобрѣли что-нибудь хорошее. До прошлаго августа они принесли только большій вредъ, а съ прошлаго августа повторяется то же самое! Вы помните, какъ

много разъ я выражалъ Вамъ мое убѣжденіе, что сердце и умъ націи правы въ этомъ вопросѣ, чего нельзя найти ни въ высшихъ классахъ, ни въ столичной печати. И какъ лучшій образецъ правильности этого мнѣнія служатъ мѣстные выборы, которые происходятъ по временамъ для пополненія вакантныхъ мѣстъ въ парламентъ. До сихъ поръ очевидность поддерживаетъ мои взгляды. Правда, на однихъ выборахъ въ Вильтоль молодой Сидней Гербертъ былъ поддержанъ какъ тори, но три четверти выборщиковъ, арендаторы его брата и другого пара консерватора и населеніе слишкомъ малочисленное (нѣсколько тысячъ), чтобъ имѣть значеніе. Другіе почти такіе же выборы произойдутъ на-дняхъ въ маленькомъ городкѣ Лонсестонъ. Но у насъ было два дѣйствительныя собранія: Галифаксъ съ 12.000 избирателей далъ большинство либеральной партіи въ 2.000 ч. Олдсамъ съ 29.000 избирателей, гдѣ мы были побиты на 200 голосовъ на прошлыхъ выборахъ, вчера далъ большинство въ 700 голосовъ. Также въ Чельтенгамъ (4.300 избирателей) мы имѣли либеральнаго кандидата, ждущаго вакансіи, но онъ былъ туркофилъ, и поэтому онъ не прошелъ, а замѣненъ приверженцемъ христіанъ. Пока все хорошо, но подвигается медленно. Будь у насъ распущенъ парламентъ, я думаю, это измѣнило бы вѣсы Европы. Какъ теперь обстоятъ дѣло, мы по существу въ рукахъ Россіи. То-есть, если она будетъ дѣйствовать энергично, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, это откроетъ дѣятельность здѣсь. Но мы находимся въ потемкахъ и бросаемся изъ стороны въ сторону на основаніи противорѣчивыхъ слуховъ. Пойдетъ ли Россія на демобилизацію, или остановится, пойдетъ ли въ Румынію или объявить рѣшительную войну, или станетъ проводить особую политику въ Константинополѣ? Между европейскими правительствами вообще царитъ безсердечіе и эгоизмъ, но я твердо стою за свою вѣру въ англійскій народъ.

Опасенія Гладстона раздѣлялъ Фриманъ. 26-го февраля онъ писалъ: „Повѣрьте мнѣ, политика еврея сводится къ тому, чтобы ничего не дѣлать, допустить Россію до войны и потомъ найти предлогъ, чтобъ ее атаковать; я сомнѣваюсь во враждебности другихъ и въ смѣтливости Дерби, чтобъ это понять, но еврей всѣхъ ихъ поддѣнетъ, какъ его предокъ поддѣлъ своего отца и братьевъ. Фриманъ часто писалъ въ это время и письма его были полны сильныхъ, а иногда грубыхъ выраженій. Въ нихъ лордъ Биконсфильдъ всегда назывался евреемъ и лордъ Дерби не болѣе лестно.

Въ письмѣ отъ 4-го марта, когда генераль Игнатъевъ объѣзжалъ государства по поводу протокола, и двѣ недѣли послѣ того какъ германскій императоръ, открывая рейхстагъ, выразилъ убѣжденіе,

что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, Фриманъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я получилъ два Ваши письма и нѣсколько вырѣзокъ, на все это отвѣчаю заразъ. Мы удивляемся, надѣемся и боимся. Здѣсь надѣяться не на что. Еврейское правительство, повидимому, рѣшило ничего не дѣлать, но дать турку годъ льготы, чтобы онъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему только для того, чтобы избавить лорда Дерби отъ всякаго дѣла. Когда онъ услышитъ о новой Батакѣ, онъ изобразитъ недоумѣніе и скажетъ, что не ожидалъ, чтобы это было такъ серьезно. Но Вы, которые не управляемы евреемъ, но императоромъ, на котораго мы всѣ привыкли смотрѣть какъ на честиѣйшаго человѣка, неужели Вы отступитесь на послѣдокъ? Такъ увѣряютъ газеты, хотя мы не можемъ этому вѣрить. Д-ръ Сандвигъ говоритъ, что война начнется въ текущемъ мѣсяцѣ ¹⁾ Теперь Вы понимаете наше положеніе. Мы смотримъ на Россію какъ на всякое европейское государство, ни хуже, ни лучше, увѣренные въ томъ, что русскіе, какъ и англичане не ангелы и не дьяволы, но люди способные на доброе и злое, поэтому мы не имѣемъ недостойныхъ подозрѣній на Вашъ счетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ намъ не хотѣлось бы все предоставить Вамъ. Поэтому мы думаемъ, что дѣло было бы сдѣлано лучше Англіей совмѣстно съ Россіей, нежели Россіей одной. Такимъ путемъ каждое государство служило бы помощью другому и не допустило бы другъ друга до злоупотребленій. Но разъ это невозможно, разъ мы такъ связаны евреемъ что не въ силахъ ничего сдѣлать, а Вы свободны отъ евреевъ и можете дѣйствовать, идите впередъ, дѣйствуйте, Бога ради сами за себя, лучше чѣмъ оставить дѣло вовсе не сдѣланнымъ. Не обращайтесь вниманіе на то, что турки—люди или съ еврейскими понятіями люди, гдѣ бы то ни было говорятъ о Васъ. Чѣмъ больше нареканій, тѣмъ больше чести, по крайней мѣрѣ, я дошелъ до такого убѣжденія. (Пропускается длинное письмо Фримана къ Стеду и еще письма къ Ольгѣ Алексѣевнѣ на ту же тему).

На письмо Гладстона отъ 2-го марта г-жа Новикова отвѣчала изъ Москвы, десять дней спустя, слѣдующее:

„Горячо благодарю за Ваше интересное и полное значенія письмо. Если Вы находитесь въ невѣдѣніи о нашей политикѣ, мы остаемся въ такомъ же невѣдѣніи о Вашей. Ходитъ слухъ, что если бы Россія объявила войну, чего мы горячо желаемъ, Англія просто заняла бы Константинополь и завладѣла бы имъ. Турція, быстро

¹⁾ Д-ръ Сандвигъ былъ не правъ, война была объявлена 24-го апрѣля.

идущая на самоубійство, не представляется опаснымъ сосѣдомъ для Россіи, тогда какъ Англія во многихъ отношеніяхъ насъ превосходитъ (за исключеніемъ того, что нами никогда не могъ бы управлять еврей). Это обстоятельство колеблетъ намѣреніе начать такую серьезную войну. Конечно, будь теперь у власти либералы, христіанскимъ провинціямъ было бы свободнѣе дышать. Но теперешнее англійское правительство не увлекается возвышенными чувствами и имѣетъ другія цѣли въ виду. Все же, что бы ни случилось, я думаю и не я одна, а тысячи русскихъ думаютъ такъ же, нашъ долгъ защитить христіанъ, если никто другой не сжалится надъ ними.

„Когда найдете свободную минуту и захотите доставить мнѣ большое удовольствіе, напишите. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Искренно преданная

Ольга Н.“

Русское правительство, находясь лицомъ къ лицу съ предстоящей великой войной, къ которой оно не было приготовлено, сдѣлало послѣднюю отчаянную попытку избѣжать ея, пославъ генерала Игнатъева ¹⁾ во всѣ государства Европы съ предложеніемъ дать согласіе на составленіе протокола, цѣль котораго была отвратить неизбежную войну, представивъ проектъ общаго содѣйствія въ будущемъ, если турокъ не исполнить обѣщанныхъ реформъ въ Болгаріи.

На этотъ шагъ смотрѣли въ Москвѣ съ негодованіемъ, которое г-жа Новикова такъ описываетъ, когда миновалъ кризисъ.

„Послѣднее усиліе избѣжать войны былъ протоколъ. Этимъ знаменитымъ документомъ оффиціальная Россія соглашалась, ради Европейскаго концерта и мира на континентѣ, отложить на неопредѣленный срокъ всякія дѣйствія касательно южныхъ славянъ, получивъ взаменъ за пожертвованіе своимъ призваніемъ обѣщаніе, что великія державы будутъ „слѣдить за Турціей“. Послѣ извѣстнаго времени, не особенно опредѣленнаго, будетъ доказано въ тысячный разъ даже уму дипломатовъ, что турецкое правленіе совершенно не способно къ реформамъ, къ улучшенію или къ другому измѣненію. Тогда примутся обсуждать, какъ бы спасти нашихъ измученныхъ братьевъ отъ Оттоманскаго ига?“

¹⁾ Генераль Игнатъевъ прибылъ въ Лондонъ 14-го марта и 22 марта уѣхалъ въ Парижъ. Воскресенье, 18-го, онъ провелъ у лорда Сользбери въ Хатфильдѣ и былъ принятъ королевой во вторникъ. Переговоры о протоколѣ показались подозрительными обѣимъ партіямъ. Delaine въ Times сказалъ, что не желалъ бы встрѣтить генерала Игнатъева, такъ какъ онъ увѣренъ, что это была мистификація.

„Тѣ, кто жили въ самомъ центрѣ національнаго движенія, никогда не забудутъ страшныхъ предчувствій въ эти печальные дни. Мы всё жили подъ давленіемъ болѣзненнаго страха. Такъ ли все должно кончиться? Неужели всё наши жертвы принесутся въ жертву? Неужели кровь нашихъ мучениковъ проливалась напрасно? Неужели святая Русь перестала быть святою, а превратилась только въ космополитическій Петербургъ? Когда пришли извѣстія, что англійскій кабинетъ настаиваетъ на измѣненіяхъ, мы вздохнули свободнѣе. „Демобилизація“, воскликнули мы, „это не демобилизація, а деморализація!“ Государь слишкомъ благороденъ, слишкомъ русскій въ душѣ, чтобъ на это согласиться. Вдругъ пришло извѣстіе, что и это принято, и все стало мракомъ вокругъ насъ.

Наконецъ, къ великому нашему успокоенію, тучи разстѣались, мракъ исчезъ, такъ какъ турки отклонили протоколъ и объявленіе войны стало неминуемо“.

Генераль Игнатьевъ все сдѣлалъ, чтобъ избѣжать войны, для которой онъ зналъ, что Россія не готова. Онъ видѣлъ лорда Биконсфильда, намекавшаго ему на возможность занятія Митилены англійскими войсками, противъ чего генераль Игнатьевъ протестовалъ ¹⁾, онъ посѣтилъ лорда Сользбери въ Гетфильдѣ и видѣлъ Гладстона наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

Я нашелъ въ бумагахъ Гладстона интересную записку, приготовленную имъ для генерала Игнатьева. Она была написана частью по-французски, частью по-англійски, но не была прочитана, вѣроятно потому, что Гладстонъ нашелъ удобнѣе переговоры безъ бумаги. Онъ намѣревался сказать генералу Игнатьеву, что хотя у него были свои мнѣнія и идеи, эти мнѣнія не имѣли цѣны, такъ какъ онъ былъ безсиленъ привести ихъ въ исполненіе. Большая часть торіевъ поддержала бы правительство, будь оно черное или бѣлое или всякаго другого цвѣта, будущіе выборы, доказывающіе иногда, откуда дуетъ вѣтеръ, лучшее средство для вліянія на парламентъ въ этомъ вопросѣ.

¹⁾ О лордѣ Биконсфильдѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, генераль Игнатьевъ относится безъ энтузіазма. Одно, что произвело на него впечатлѣніе въ тогдашнемъ премьерѣ, была его страсть къ турецкимъ островамъ, онъ говорилъ больше чѣмъ за годъ до подписанія Англійей турецкаго соглашенія объ оккупациі Кипра и въ разговорѣ съ г. Игнатьевымъ намекалъ на возможность соглашенія съ Россіей о Босфорѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Англія заняла Митилену. Ген. Игнатьевъ не сочувствовалъ этой идеѣ. Онъ находилъ, что Митилена слишкомъ близка,—всего два часа отъ устья въ Дарданеллѣ. Лордъ Биконсфильдъ не продолжалъ спора, переговоры о протоколѣ не удались. Турція сдѣлала нападеніе на Черногорію, и началась война.

Вотъ копія записки.

„Игнатъевъ.—Англійскій народъ рѣшилъ Восточный вопросъ въ христіанскомъ духѣ. Я не говорю о правительствѣ, или парламентѣ, или объ имущихъ классахъ, или объ арміи, или о большей части столичной печати. Но что касается народа, онъ до глубины души возмущенъ преступленіями и варварствомъ Порты. Таймсъ будетъ стоять за правительство, какое бы оно ни было, ему я не довѣряю. Либеральная партія въ огромномъ большинствѣ желаетъ политики искренней и твердой въ пользу христіанъ, я бы охотно сказалъ *des gaces sujettes*. Правительство дало право лорду Сользбери на свободное слово, но себѣ предоставило свободу дѣйствій, и въ настоящую минуту я мало вѣрю въ согласіе дѣйствій. Протоколъ не признанъ. Дипломатія дискредитирована неудачей Константинопольской конференціи. Возгордившаяся Порта, растоптанныя княжества и проч. *Voilà un compte rendu assez triste.*

21 марта 1878.

25-го марта г-нъ Фриманъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой передаетъ сплетню о посѣщеніи ген. Игнатъевымъ Хатфильда.

„Я вижу, что Вы знаете не больше нашего. Джорджъ Витамаъ, бывшій въ Хатфильдѣ въ одно время съ Игнатъевымъ, не знаетъ ничего, но говоритъ, что лордъ Сользбери совершенно на нашей сторонѣ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ присталъ къ еврею? Конечно, возвращеніе Элліота есть оскорбленіе челоуѣчеству. Ничего подобнаго не видѣлъ, какъ его спокойная, безчелоуѣчная ариѳметика. Ему безразлично, 10.000 будетъ убитыхъ или 20.000.

Могу ли я вывести заключеніе, что у Васъ, какъ и у насъ, такъ называемое общество заблуждается? Я мало знаю общество и не имѣю желанія больше знакомиться съ нимъ, такъ какъ оно, кажется, очень грубо, лѣниво и невѣжественно. Я вамъ послалъ нѣсколько вырѣзокъ. Сѣверное Эхо въ Дарлингтонѣ—лучшая газета въ Англии никогда не колеблется и не боится. Я бы хотѣлъ, чтобы она была главной лондонской газетой, вмѣсто этого угодливаго „Times'a“.

Если я подвергаю себя упреку въ эгоизмъ, приводя это одобреніе, я это дѣлаю потому, что эти замѣчанія доставили мнѣ дружбу съ г-жей Новиковой, а во-вторыхъ потому, что все то время я дѣйствовалъ подъ руководствомъ и вдохновеніемъ Гладстона. Слѣдующее письмо, отъ 12-го октября 1876 года, представляетъ читателю образецъ этого поощренія и направленія молодому журналисту (мнѣ было 27 лѣтъ), я издавалъ крошечную провинціальную газету.

Милостивый Государь.

Я совершенно не въ силахъ отвѣтить на Ваше письмо такъ, какъ бы я искренно желалъ, относительно истинной горячности и большого таланта, съ которымъ Сѣверное Эхо вело войну въ Восточномъ вопросѣ. Я даже не въ силахъ раскрыть того громаднаго количества газетъ, которыя мнѣ присылаютъ, и поэтому я не могу просить Васъ продолжать высылку Вашей газеты, исключая того, когда она содержитъ что-нибудь особенное.

„Трудно отвѣчать на Вашъ вопросъ, такъ какъ событія мѣняются изо дня въ день. Забудьте, что въ послѣднемъ выраженіи общественнаго мнѣнія былъ пробѣлъ, не было провинціальныхъ митинговъ, это не маловажно.

„Будь я на мѣстѣ издателя Вашей газеты, я бы избралъ слѣдующее общее направленіе. Правительство, имѣя намѣреніе страшать Россію своимъ дурнымъ способомъ дѣйствій и привести ей вредъ, отдало все въ ея руки. Она вмѣстѣ съ Австріей, а можетъ быть и безъ Австріи, поставлена въ положеніе, въ которомъ она можетъ дѣлать, что захочетъ, а мы безсильны. Англія унижена, мы обманули турокъ фальшивыми ожиданіями, не достигли ни одной нашей цѣли, не удовлетворили никого, враждебно отнеслись къ христіанамъ, оставили ихъ на съѣденіе Австріи и Россіи, которая конечно гораздо лучше Турціи, но все же мы имъ не дали возможности управлять своими дѣлами. Преданный Вамъ

Гладстонъ.

Около этого времени г-нъ Фриманъ сталъ очень безпокоиться о томъ, что необходимо было разсѣять любимую туркофильскую иллюзію, что страна измѣнила свое мнѣніе. Вотъ одно изъ посланій, сыпавшихся на меня въ это время.

29 марта 1877.

„Я увѣренъ въ томъ, что нація должна бы высказать свое мнѣніе, если оно у нея есть. Турецкія газеты говорятъ, что она измѣнила свой взглядъ съ осени. Я этому не вѣрю, и если я правъ, то фактъ этотъ долженъ сдѣлаться извѣстнымъ, чтобы врагъ не могъ далѣе богохульствовать. Лично мнѣ мысль, что миръ сохраняется, потому что ведутся переговоры, кажется высшимъ дипломатическимъ криводушіемъ, хотя я увѣренъ, что здѣсь официальные лица всѣхъ партій были бы противъ меня. Когда долгъ и честь націи служатъ игрушкой еврея, болѣе чѣмъ когда-нибудь нація должна заговорить и высказать, чего она желаетъ“.

Протоколъ былъ подписанъ 31-го марта. Это былъ длинный и многословный документъ, суть котораго заключалась въ концѣ. Принявъ во вниманіе обѣщанія турокъ, державы сохраняютъ за собою право обсудить сообща способы благоденствія христіанскаго населенія и интересы общаго мира. Чтобъ кто-нибудь не вообразилъ, что протоколъ обязывалъ къ чему-нибудь подписавшихъ его, лордъ Дерби внесъ декларацію „что протоколъ считается недействительнымъ и уничтоженнымъ въ случаѣ недостиженія предлагаемыхъ цѣлей!“

Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „а теперь о протоколѣ. Мы знаемъ теперь его текстъ. Но что все это значитъ? Съ нашей стороны, т. е. со стороны еврея это понятно. Они ему радуются какъ средству ничего не дѣлать. Но какъ Вашему народу? Это все „если, если, если“. Если турокъ это сдѣлаетъ. Да онъ это постоянно дѣлаетъ. Ваши войска могли бы выступить сейчасъ при всемъ, что сказано въ протоколѣ. Роль Дерби въ этомъ является такой прозрачно глупой, что кажется, что за этимъ кроется какой-то фокусъ.“

Г-жа Новикова испытывала нетерпѣніе по поводу молчанія Гладстона. Она писала 18-го апрѣля:

„Цѣлую вѣчность не имѣю извѣстій отъ Васъ и очень объ этомъ сожалею. Конечно, я не имѣю права на Вашу добрую память. Вы уже знаете, что Россіи не послужило препятствіемъ рѣшеніе лорда Биконсфильда защищать своихъ возлюбленныхъ турокъ и ее не устрашаютъ новыя страшныя жертвы. Черезъ шесть дней 24 (12) апрѣля война будетъ объявлена. Государь ѣдетъ завтра въ Кишиневъ, и объявленіе войны будетъ послано оттуда. Вы не можете вообразить мученія, которыя мы переживали все время этой бесполезной дипломатической болтовни, отъ которой только потеря времени и терпѣнія. Но нашъ Государь вошелъ въ свою обычную, благородную роль, и всѣ наши сердца—съ его великодушнымъ рѣшеніемъ. Англія мѣшаетъ Греціи присоединиться къ возстанію, но мы, конечно, этого ожидали.“

Что сдѣлаетъ теперь оппозиція, когда о мирѣ не можетъ быть рѣчи? Можно ли объяснить, почему либеральная партія такъ мало оказала сопротивленія въ обѣихъ палатахъ? Я увѣрена, что должна быть для этого причина, которой мы, русскіе, не можемъ понять.

Пожалуйста, напишите мнѣ нѣсколько строчекъ. Если въ свободной Англіи люди не могутъ вести переписки безъ того, чтобы быть оклеветанными самымъ возмутительнымъ образомъ, Англія очевидно вырождается. Простите эту грубость. Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Преданная Вамъ.

Ольга Н.“

23-го апрѣля Гладстонъ сообщалъ г-жѣ Новиковой о своемъ разочарованіи въ успѣхъ своей брошюры „Уроки въ кровопролитіи“. Онъ отвѣчалъ на ея письмо съ жалобой на ея молчаніе.

„По правдѣ сказать, я ждалъ извѣстій отъ Васъ. Около шести недѣль тому назадъ я написалъ статью, которую считалъ грознымъ обвинительнымъ актомъ турецкому правительству. Копію я тотчасъ послалъ Вамъ. Черезъ двѣ недѣли я послалъ вторую, такъ какъ былъ увѣренъ, что Вы обратите на нее вниманіе,—доводы въ ней дѣйствительной важности. Изъ Вашего письма я вижу, что ни одна не дошла до Васъ, почему? Я не могу понять. Теперь прилагаю копію маленькаго популярнаго изданія. Обвиненіе содержится въ первыхъ строчкахъ и доказательство, мнѣ кажется, такъ же полно, какъ и ужасно.

Я долженъ прибавить, что оно не произвело большого впечатлѣнія въ публикѣ; продажа отъ—6.000 до 7.000 экз., но я не слыхалъ еще, чтобъ ее переводили.

„Я говорилъ Вамъ, что мы должны наблюдать за мѣстными выборами, представляющими иногда лучшее указаніе англійскаго чувства. Около пяти изъ нихъ послѣдовательно вполне подтвердили мое мнѣніе, что народъ англійскій все же антитурецкаго направленія. На прошлой недѣлѣ явилось разочарованіе въ противоположномъ рѣшеніи въ большомъ городѣ Сальфордѣ. Споръ былъ почти на разное число голосовъ и ни въ какомъ случаѣ не опровергаетъ моего мнѣнія, но служитъ однимъ голосомъ меньше въ пользу его. Лордъ Сольсбери, повидимому, раздавленъ, и кабинетъ дѣлаетъ все, что можетъ для турокъ. Настроеніе высшихъ классовъ очень плохое. Все же мы выиграли отъ осеннихъ событій то, что правительство не смѣетъ болѣе увѣрять открыто въ своемъ равнодушіи къ положенію христіанскихъ подданныхъ Турціи и что воевать за турокъ невозможно, хотя многіе, я думаю, этого бы желали.

Вы, вѣроятно, помните, какъ я предупреждалъ Васъ, что нельзя пренебрегать обвиненіями Россіи въ Польшѣ, и выражалъ мнѣніе, что если Россія дорожить народнымъ чувствомъ Англии, она должна будетъ принять мѣры, чтобы выяснитъ свой взглядъ и обстоятельства дѣла въ печати. Англійское правительство напечатало теперь свой протестъ о дѣйствіяхъ въ Польшѣ (на мой взглядъ, поступокъ подлый), тѣмъ не менѣе дѣйствительный: Поступокъ подлый по тому, что мы не всегда разоблачаемъ собственныя ошибки. Турки прекрасно понимаютъ значеніе вліянія прессы.

Что касается парламента, сочетаніе важныхъ причинъ заставило либеральную партію молчать объ окончательномъ исходѣ. Намѣренія Россіи, напримѣръ, были неизвѣстны, и я боялся очень впечатлѣ-

тлѣнія за границей, которое могло, при неблагопріятномъ раздѣленіи, произойти въ пользу турокъ. Теперь положеніе измѣняется и выясняется. Многіе не вѣрятъ, чтобы Россія рѣшилась на войну. Этого ожидаю и я. Но если Европа оставитъ дѣло на рѣшеніе между ней и Турціей, то будетъ великій позоръ. Турецкіе греки поступили скверно“.

Прежде чѣмъ письмо это дошло до Ольги Алексѣвны, 24-го апрѣля война уже была объявлена Россіей, и при наступленіи ночи 50.000 русскихъ войскъ перешли границу Румыніи по дорогѣ въ Болгарію.

Слѣдующія письма г-жи Новиковой Гладстону были послѣдними, писанными ею до объявленія войны.

22-го апрѣля 1877.

„Всѣ наши сегодняшнія газеты приписываютъ Англій три слѣдующіе плана: 1) Занять Аѣины и Критъ, чтобы не допустить возстанія въ Греціи на помощь намъ; 2) отказъ пропустить русскіе корабли черезъ Гибралтаръ; и 3) занять Константинополь, если Турція будетъ побита. Признаюсь, я въ недоумѣніи. Все это равняется объявленію войны противъ Россіи. Я даже увѣряла своихъ друзей, что большинство англійскаго народа все же расположено къ христіанамъ. Умоляю Васъ дать намъ ключъ для раскрытія этихъ тайнъ. Кто же лучше васъ можетъ это объяснить? Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ“.

24—12-го апрѣля 1877.

„Объявленіе войны получено здѣсь въ 2 ч. по полудни. Въ пять Московская дума собралась въ думскомъ залѣ. Большой энтузіазмъ. Дума предложила немедленно милліонъ рублей и 1000 кроватей для раненыхъ. Слышны со всѣхъ сторонъ восклицанія: „этого мало“, „слишкомъ мало“. Рѣшено смотрѣть на эту сумму какъ на начало. Собрались купцы и тоже было повторено; добровольное пожертвованіе—милліонъ рублей. 160 дамъ предложили себя въ сестры милосердія. Сто изъ нихъ уже выдержали экзамень. Россія точно воскресла. Что сдѣлаетъ Англія? Я знаю, что бы она сдѣлала, будь во главѣ правительства Вы. А теперь? Мы, Богъ дастъ, будемъ исполнять свой долгъ и будь что будетъ!

Искренно преданная Ольга Новикова“.

Сообщено Е. С. М.

